

НАТАЛЬЯ Коляканова — актриса «Школы драматического искусства», верная ученица, прошедшая сквозь ее очистительные огонь и воду, сквозь искусительные медные трубы, трубившие славу А. Васильеву.

В ее верности нет ничего ортодоксального. Она прекрасно знает «азбуку» школы и потому свободна от нее. Она здесь и не здесь. В этот зазор проникает дыхание другой жизни и создает дополнительный объем. Радостно видеть то напряженное, динамическое равновесие, в котором актриса, впитавшая идею васильевской школы, никогда с ней до конца не сливается. И в этом она вернее тех учеников, которые восприняли букву идеи, но не ее дух.

Васильев предлагает свободу творческого состояния, подлинную способность к импровизации, к объемному и неоднозначному музыкальному мышлению, где возможны самые отдаленные связи и ассоциации, если они имеют общий гармонический строй. Коляканова не интеллектом (нет! — интеллектом откликнулись многие), всем своим актерским существом отзывалась на идею школы: методом drobных импровизаций достигать общую гармонию произведения. Она отзывалась на джаз.

Королеву Маргариту из «Нельской башни» Дюма в каждом отрывке она играет другой, чем прежде. Отрывки-импровизации на тему Дюма-отца составили два огромных спектакля — «Вечер Дюма» и «Нельская башня», в которых разрушена всякая временная и смысловая последовательность, все перемешано и сброшено в один котел, и сквозь мелодраматические построения просвечивают контуры итальянской импровизированной комедии масок. И вот в чем загадка актрисы: как в этой крошечной относительности, размытости сюжета и характера удерживается целостный образ?

Маргарита, ведущая танец-борьбу с Буриданом. Маргарита, движимая высокой раскаленной нотой страсти и расчетливым чутьем опасности. Здесь нет почти ничего от написанной Дюма королевы, родившей некогда в незаконной связи двух сыновей и (в результате затейной ею самой

Пока не кончился джаз

В ее верности нет ничего ортодоксального. Она прекрасно знает «азбуку» школы и потому свободна от нее.

● Наталья Коляканова.

Фото В. Помигалова.

интриги) лишившейся их в тот самый момент, когда узнала своих детей. Нет ничего от мелодраматической занимательности сюжета. Но в вольных импровизациях Колякановой (так же, как, возможно, Маргариту у Дюма) бьет мелкая дрожь зарождающейся интриги, охватывает азарт игры, порой доходящий до иступления. И над всем этим — соблазнительная, страстная женственность.

Первая сцена с Буриданом (в спектакле «Дюма») — великолепная импровизация, где агрессивный танец-драка точнее говорит об эротике, чем прямой ход...

Шаг в сторону от сюжета, еще шаг — все смешалось. И уже с трудом можно восстановить, кто кого играет, да и есть ли вообще этот предмет эгоистической актерской заботы — характер персонажа? И есть ли сам персонаж?

Коляканова, послушная джазу, начинает «свинговать», как можно дальше уводя мелодику от основной метрической пульсации. И в тот момент, когда размыты все границы, когда в потоке импровизации снесены последние флажки, определяющие характер, его обособленность и независимость, Коляканова словно вырывается из заданной эстетической игры. В последнем крике прозрения и отчаяния (финал спектакля «Нельская башня») ее голос взмывает вверх — к звуку подлинного горя.

В этом звуке все метаморфозы ее игры, весь ее «свинг» сливаются в одно целое, и этим целым оказывается Маргарита из пьесы Дюма. Вовсе не мелодраматическая, но чем-то связанная с героиней мелодрамы у самых корней, где стиль еще не определен и еще предстоит так или иначе оформить реальность человеческой души. Посреди удушьящего моря условности, всеобщей относительности актриса находит единственную точку опоры, которая одухотворяет все. Может быть, в этой точке она вовсе не покидает «век джаза»: ведь и в нем бывают мгновения, когда музыкант словно не пользуется инструментом, а просто рассказывает вам подлинную историю души. Если, конечно, он настоящий джазмен.

Алена КАРАСЬ.